

**Алексис БЕРЕЛОВИЧ**

## **Упущенный шанс**

**Полемические заметки об интеллигенции в перестроечные годы**

При чтении мемуаров или статей, посвященных периоду перестройки, нетрудно выделить несколько типичных подходов к рассмотрению событий. Назову три основных типа, которые, разумеется, могут в реальности смешиваться или дробиться на более мелкие варианты. Простейший из сценариев сводится к глаголу «развалили». Некие враги России, действующие чаще всего по наущению каких-то темных сил: ЦРУ, участников жидомасонского заговора и проч., — «развалили» страну, в результате чего наступил «хаос» ельцинских времен, сменившийся в самое последнее время путинским «порядком». Согласно второму сценарию, советский режим, полностью утративший жизнеспособность, рухнул, Россия постепенно, хотя и не без трудностей, изживает последствия советского «вывиха»; далее возможны варианты: либо Россия превращается в новую империю со своей самобытной цивилизацией, либо Россия встает в ряд цивилизованных (читай — западных) стран. Наконец, третий сценарий: у России был демократический шанс (в одном варианте он был воплощен в Михаиле Горбачеве, в другом — в Борисе Ельцине), но она его упустила и снова вернулась в привычную авторитарную колею. Я хотел бы остановиться именно на этом последнем сценарии, популярном в среде либеральной интеллигенции.

Скажу банальную вещь: описывать и анализировать перестройку очень важно, потому что именно в этот период советский режим пошел трещинами и в конце концов рухнул. Следовательно, изучая перестройку, мы исследуем не только те конкретные формы, в которых происходил крах Советского Союза, но также и те причины, которые привели систему к гибели или, говоря иначе, те причины, по которым замысел Михаила Горбачева модернизировать экономику, придать стране динамичность и открытость, построить (не забудем о корне слова «перестройка») демократической социализм или, согласно формуле времен «пражской весны», социализм с человеческим лицом, — замысел этот потерпел неудачу.

Был ли связан крах режима со стечением конкретных обстоятельств или же он был обусловлен незаметными с первого взгляда, но от того ничуть не менее могущественными закономерностями? Сегодня одно из самых распространенных объяснений гласит: крах был неизбежен оттого, что «советская» (социалистическая) социально-экономическая система была нежизнеспособна. Объяснение это, несмотря на кажущуюся строгость, не столько логично, сколько тавтологично: система рухнула, потому что не могла не рухнуть. Поэтому для пущей важности приходится призывать на помощь «закономерности», хотя не вполне ясно, о каких, собственно, законах идет здесь речь. К этой историографической операции прибегают чаще всего интеллигенты, выросшие в лоне советской системы и связанные с ней неразрывными узами; во-первых, эти люди воспитаны в традициях «марксистско-ленинской историографии», где любое событие объяснялось законами истории, а во-вторых, эта операция помогает им оправдать любое — активное или пассивное — сотрудничество с советской властью: раз она была обречена рухнуть, не было никакой необходимости бороться против нее.

Эти размышления о перестройке как агонии советского режима приводят к двум тесно связанным между собой вопросам. Первый касается того, подлежал ли советский режим реформированию (варианты ответа: да, подлежал, потому что центральная власть сама начала глубинные реформы; нет, не подлежал, поскольку начавшиеся реформы как раз и привели к краху Советского Союза). Второй вопрос вытекает из первого, но носит более общий характер: был ли жизнеспособным социализм как таковой или же он с самого начала был обречен как тупиковая ветвь истории (социализм в этом случае трактуется как «ошибка» истории, в результате которой на свет появились нежизнеспособное существо, нечто вроде динозавра). Если крах СССР — следствие случая, тогда вопрос о жизнеспособности социализма остается открытым; если, напротив, считать этот крах неизбежным,

исторически закономерным, то он, естественно, выступает «доказательством» невозможности построения социализма (впрочем, левые радикалы думают иначе; они полагают, что Советский Союз нельзя называть социалистическим государством, и видят в его крахе не что иное, как подтверждение его несоциалистической природы, ничуть не компрометирующее «истинный» социализм). Совершенно очевидно, что сегодня главенствует второй подход, однако стоит напомнить, что в прошлом одну систему — капиталистическую — уже считали обреченной, между тем сегодня капитализм в его либерально-демократическом варианте объявлен завершением человеческой истории<sup>1</sup>.

Изучая перестройку, мы обязаны учитывать различные и зачастую противоположные намерения самых разных действующих лиц. Перечислим их, двигаясь от более консервативных слоев к более реформаторским. Строго говоря, безоговорочные сторонники сохранения системы в неизменном виде были весьма немногочисленны; к их числу относились по преимуществу государственные чиновники разного уровня (в том числе и работники партийного аппарата); следующую группу составляли гораздо более многочисленные сторонники умеренных реформ, которые позже, испугавшись горбачевских реформ и, главное, радикальных реформаторов, примкнули к «чистым» консерваторам. Затем следовали «горбачевцы», желавшие подвергнуть социалистическую систему серьезным преобразованиям, но все же считавшие нужным ее сохранить; наконец, в последнюю очередь назовем тех, которые желали покончить с социалистической системой, выйти из нее. Было бы, разумеется, ошибкой утверждать, что все названные группы были жестко структурированы, имели четко сформулированные программы и искали поддержки у населения. Многие действующие лица претерпели стремительную эволюцию и перешли, например, от умеренного реформаторства к антисоветскому радикализму (антисоветскому в самом прямом смысле слова, т. е. к желанию покончить с советской системой) или, напротив, от того же умеренного реформаторства к непробиваемому консерватизму (о чем уже говорилось выше); помимо реальной эволюции следует учитывать и тактические игры: дело в том, что либералы (не либералы в советском смысле,

т. е. не сторонники демократизации существующего режима, а приверженцы экономического либерализма и демократии, отвергающие социалистическую систему) предпочитали — в особенности в начале перестройки, когда было еще не вполне понятно, о чем можно говорить свободно, а о чем нет, а точнее, было понятно, что не следует заходить дальше умеренной критики «недостатков» системы, — демонстрировать верность «демократическому социализму» и не обнажать свои истинные взгляды. Именно в этом переменчивом и разноречивом контексте интеллигенции приходилось позиционировать себя, выражать свои мысли, действовать, заключать союзы, маневрировать.

Изучение перестройки проясняет ответ на неизбежно встающий вопрос: а что осталось от старой системы сегодня? Становится более понятным, что в советской системе черты, которые она почерпнула от породившей ее социалистической идеологии, соседствуют с теми, какие она накопила сама за долгие годы существования, и с теми, какие имелись еще в дореволюционной России, вне всякой связи с социализмом, и благополучно сохранились по сей день.

Возьмем, например, потребность в «сильной руке» и личную преданность правителю, то, что В. Путин назвал «вертикалью власти», а именно систему, при которой управление государством осуществляется исключительно сверху вниз: конечно, система эта окрепла в течение социалистического периода, но тот факт, что она существовала в России до 1917 г. и продолжает существовать после 1991-го, позволяет, полагаю, утверждать, что она является не следствием социалистического режима, а формой правления, так сказать, присущей российской системе власти. В ходе перестройки страна пережила потрясение, позволившее ей выскочить на короткое время из колеи (феномен «path dependence»), однако очень скоро старые формы снова вошли в силу и переплелись — более или менее явно — с теми новыми формами, которые возникли в течение недолгого периода свободы. Парадоксальным образом в то время, как инициатор реформ, по видимости, желал дать стране «больше социализма» (некоторые остатки которого присутствовали в советской системе, по крайней мере на словах<sup>2</sup>) и меньше

<sup>1</sup> Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. N. Y.: Free Press, 1992. Следует, впрочем, заметить, что со времени выхода этой книги автор отказался от основных ее положений или, по крайней мере, смягчил их.

<sup>2</sup> Во всяком случае, социалистический официальный дискурс осуждал депривацию угнетенных, впрочем, существовавшую в советском государстве на практике; с исчезновением же социалистической идеологии открытая и циничная эксплуатация расцвела пышным цветом, не зная никаких преград.

советскости (под которой понималась авторитарная система, базирующаяся на сращении экономики и политики), на деле Россия в конечном счете пришла к результатам полностью противоположным: последние черты социализма исчезли начисто, а «советскость» сохранилась, чтобы не сказать усилилась.

Почему мне представляется важным задуматься над той ролью, которую сыграла интеллигенция в ходе перестройки? Для начала замечу, что сама интеллигенция охотно подчеркивает свое участие в перестройке и считает его решающим<sup>1</sup>; в реальности экономические и национальные факторы, а также внутривластная борьба значили, по всей вероятности, гораздо больше; тем не менее интеллигенция в самом деле сыграла немаловажную роль, потому что, благодаря гласности, ее деятельность была наиболее заметна, гласность же занимала центральное место в стратегии горбачевских реформ и осталась в памяти очевидцев и участников тех событий как главная составляющая и своего рода эмблема 1980-х гг.

Советская интеллигенция<sup>2</sup> включалась в процесс либерализации общества постепенно и в разнообразных формах, в зависимости от взглядов тех или иных интеллигентов и степени их интегрированности в общество и/или маргинализации. В Советском Союзе интеллигенты всегда играли более значительную роль, чем на Западе или в царской России, по той простой и не раз упоминавшейся причине, что в отличие от западных обществ (где легитимность власти сообщает всеобщее избирательное право) и от дореволюционной России (где власть считалась данной от бога), советская власть черпала свою легитимность в революции, которая, в свою очередь, основывала свою легитимность на за-

<sup>1</sup> Эта особенность, присущая интеллигенции везде и всегда, принимает, однако, различные формы в зависимости от национальных и индивидуальных характеров. Из известных мне примеров самые выразительные, полагаю, это случай Анны Ахматовой, которая была убеждена, что ее встреча с Исидором Берлином стала причиной холодной войны, и случай Луи Альюссера, который верил, что его группа истинных марксистов может увлечь на революционный путь коммунистов всего мира и тем самым ускорить мировое торжество коммунизма. В ослабленной форме та же убежденность заставляет многих исследователей утверждать, что историю делают книги; впрочем, этот тезис заслуживает изучения и обсуждения. Ср.: «Les livres font-ils la révolution?» in: *Chartier R. Les Origines culturelles de la révolution française*. P., 1990. P. 86–115.

<sup>2</sup> Я не стану останавливаться на вопросе о том, имеем ли мы вообще право говорить о советской интеллигенции: по мнению некоторых авторов, в частности Ю.А. Левады, слом, имевший место в 1917 г., настолько радикально изменил функцию российской интеллигенции и ее место в обществе, что говорить о наличии в России интеллигенции после 1917 г. невозможно в принципе.

конах исторического материализма. Поэтому в советской России власть гораздо сильнее, чем в других странах, нуждалась в идеологах, историках, философах, писателях, журналистах и проч., которые могли бы своими текстами давать ей необходимую легитимацию. Отсюда особое внимание советской власти к работникам интеллектуального труда и значение политики кнута и пряника, которую она вела по отношению к ним.

После «оттепели»<sup>3</sup>, когда интеллигенты получили возможность выбирать между различными жизненными стратегиями, они разделились на несколько течений, которые можно классифицировать по двум принципам. Первый — идеологическая направленность; если исходить из этой классификации, в Советском Союзе имелись националисты (в государственном либо неославянофильском варианте), государственники, «марксисты-ленинцы», реформаторы, хранящие верность демократическому социализму, «западники» — приверженцы либеральной демократии, технократы и проч.<sup>4</sup> В отсутствие общественного пространства, а значит, и общественного мнения, в отсутствие публичных дебатов, кроме тех, которые осуществлялись на страницах самиздата и *тамиздата* (но можно ли назвать такие дебаты публичными?) или в подцензурной печати с помощью *иносказаний* и «эзопова языка», в отсутствие, само собой разумеется, политических партий, взгляды и убеждения были нечеткими, зыбкими, и один и тот же человек мог исповедовать сразу несколько несовместимых идеологических убеждений.

Но гораздо больший интерес представляет, на мой взгляд, классификация по другому принципу — а именно по степени интегрированности в советское общество (а возможно, и по близости к власти). Здесь перед нами выстроится ряд, идущий, образно говоря, от диссидента до аппаратчика из ЦК КПСС. Охарактеризуем вкратце основные типы интеллектуалов, из которых состоит этот ряд. Это, прежде всего, откровенные

<sup>3</sup> Отделяя период сталинизма, когда жизнь практически превратилась в выживание (нежелание сотрудничать с властью или недостаточная лояльность по отношению к ней могли стоить жизни, притом, что полная лояльность вовсе не гарантировала сохранения жизни), от послесталинского времени, когда индивид обладал — хотя, разумеется, в крайне узких рамках — некоторой свободой выбора при определении своего жизненного пути, я, разумеется, очень сильно огрубляю реальную картину. Я иду на это сознательно, поскольку нарисованная мною картина кажется мне, при всем ее схематизме, в основном правильной.

<sup>4</sup> См., например: *Амальрик А. Просушествует ли Советский Союз до 1984 года?* Амстердам: Фонд имени Герцена, 1969.

диссиденты, входившие в различные кружки и группы и не скрывавшие своих оппозиционных взглядов. К началу перестройки многие из них либо сидели в лагерях, либо находились в эмиграции. Затем идут околодиссидентские круги — люди из различных социальных пластов, близкие к диссидентам не только по взглядам, но и «габитусу», *подписанты*, время от времени (хотя и не систематически) ставившие свои подписи под теми или иными письмами протеста против того или иного действия властей, или авторы, публиковавшие — чаще всего под псевдонимом — «диссидентские» статьи на Западе или в самиздате. Еще одна близкая к диссидентам, но не сливающаяся с ними группа, — это «бывшие», люди, некогда входившие во властные структуры, но — по причинам порой случайным, а порой вполне обоснованным — отлученные от власти в более или менее жесткой форме (в первую очередь «шестидесятники», исповедующие «социал-демократические» убеждения). Затем следуют добровольные маргиналы: истопники из поколения «семидесятников», представители культурного андеграунда, верующие и проч. Следующая категория — «нормальные люди», интегрированные в общество, работающие, публикующиеся; здесь тоже возможны варианты: одни постоянно пытались обойти цензуру, сказать максимум возможного в данных обстоятельствах, но при этом не подвергать свое благополучие особому риску; другие предпочитали оставаться в *мейнстриме*, но при этом стремились быть хорошими профессионалами и не совершать подлостей; ни те ни другие не делали карьеру, не претендовали на руководящие должности, которых им, впрочем, и не предлагали. Затем следовали карьеристы, которые тоже подразделялись на несколько типов: здесь были компетентные карьеристы, которые желали самореализоваться<sup>1</sup> и были готовы ради этого пойти на некоторые идеологические и моральные жертвы, но все-таки стремились сохранить некий минимум достоинства и респектабельности; карьеристы-циники, готовые ради карьеры абсолютно на все; карьеристы, верившие в то дело, которому они служат (не столько в коммунизм, сколько в «великую советскую державу»). Еще ближе к власти стояли директора институтов (но и среди них различались самые разные типы: от директора, пригревающего в своем

<sup>1</sup> Этот человеческий тип превосходно описан Лидией Гинзбург, см.: *Гинзбург Л.* Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тын्यानский сборник: Вторые тын्यानские чтения, Рига, 1986. Без ссылок на эту статью не может обойтись ни один автор, размышляющий над отношениями интеллигентов и власти.

заведении полудиссидентов, до директора, который, напротив, по собственной инициативе их травит), редакторы журналов (здесь имелись те же различия) и, наконец, интеллигенты, работавшие в партийном аппарате — советники, консультанты и проч., — также различавшиеся как оттенками убеждений, так и жизненными судьбами. Что же касается самих руководителей партии, то вопрос о том, можно ли причислять их к числу интеллигентов, остается открытым, хотя сами они склонны отвечать на этот вопрос положительно.

Видные представители интеллигенции, как маргиналы, так и карьеристы, зачастую были выпускниками одних и тех же престижных высших учебных заведений; филологи, историки, философы<sup>2</sup> и журналисты заканчивали соответствующие факультеты Московского и Ленинградского университетов; международники кончали МГИМО, экономисты — «Плехановку», и проч. Научно-техническое образование мы в этой статье рассматривать не будем. Самых политизированных сближала служба в таких местах, как, например, редакция журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге; ее описание содержится во многих мемуарных сочинениях<sup>3</sup>. Общее прошлое объединяло интеллигентов с самыми противоположными судьбами. Так, упомянутый выше Н. Биккенин, который во время перестройки превратил журнал «Коммунист-Свободная мысль» в одно из самых интересных изданий Советского Союза, а до этого «...много лет (1966–1987) работал в <...> аппарате ЦК КПСС, в частности заведовал сектором журналов»<sup>4</sup>, поддерживал дружеские связи с Игорем Дедковым, журналистом и литературным критиком, который жил в Костроме на положении полуссыльного, поскольку после XX съезда КПСС был одним из лидеров студенческого движения на факультете журналистики Московского университета. Поэтому, как только Биккенин стал редактором (а затем главным редактором) «Коммуниста» и одним из ближайших советников Михаила Горбачева, он пригласил Дедкова из Костромы в Москву,

<sup>2</sup> О философском факультете см., например, книгу воспоминаний: *Биккенин Н.* Как это было на самом деле, М., 2003. С. 75–77. Биккенин впоследствии укреплял и расширял свою «социальную сеть» с коллегами-философами благодаря службе в редакции журнала «Вопросы философии».

<sup>3</sup> См., например: *Карякин Ю.* Перемена убеждений. М.: Познавательная книга, 2007. С. 43–44. Гл. «Прага». Автор перечисляет имена: А.М. Румянцев, Н. Иноземцев, А. Черняев, В. Загладин, М. Мамардашвили, Г. Арбатов и др.

<sup>4</sup> *Биккенин Н.* Указ. соч. С. 4

и тот сделался одним из самых читаемых авторов «Коммуниста/Свободной мысли».

Наконец, важно отметить, что поколение «шестидесятников»<sup>1</sup>, разочаровавшихся в демократическом социализме (одних это разочарование постигло в 1964 г., когда сняли Хрущева, других — в 1968 г., когда ввод советских войск в Чехословакию положил конец «пражской весне»), эволюционировало в разных направлениях: кто-то чаще всего просто из конформизма стал заурядным представителем идеологии брежневской эпохи, кто-то, напротив, примкнул к диссидентам, кто-то стал либералом-«западником», кто-то — националистом-«славянофилом», наконец, кто-то — и это чрезвычайно важно — остался на позициях демократического социализма. Именно эти последние, естественно, первыми откликнулись на призыв Горбачева и его команды.

Накануне перестройки так называемая «либеральная» интеллигенция ощущала себя совершенно чуждой как «власти», так и «народу» (к этому треугольнику власть/народ/интеллигенция, вне которого интеллигенция себя не мыслила, мы еще вернемся<sup>2</sup>). Московская тележурналистка, связанная с московской околодиссидентской интеллектуальной элитой, писала в своем дневнике, который позже опубликовала на правах исторического свидетельства, хотя и признавалась, что по прошествии двух десятков лет «корчилась от стыда при чтении дурацких, грубых и безапелляционных суждений»<sup>3</sup>:

« 15 июня 1983.

Только что прослушала главный идеологический доклад, сделанный вчера Черненко. Поток бессмысленных слов, вызывающих ярость. Грустно и противно это слышать, но мы будем жить без их вонючих указаний. Мы сами по себе, они сами по себе. Страна моя, ты с кем? Неужто с ними?»<sup>4</sup>

Новые — отчасти — правители быстро осознали (а некоторые из них осознали и много раньше), какая пропасть отделяет общество от руководителей страны, и, поскольку первые предпринятые ими меры («ускорение») оказались неэффективны, то, стремясь развеять

скепсис общества, разочарованного десятилетиями неисполненных обещаний, и убедить его в своей воле к переменам, они прибегли для новой мобилизации общества к помощи интеллектуалов-«реформаторов»<sup>5</sup>. Эта политика получила название «политики гласности». Для того чтобы создать некое подобие общественного мнения, власти обратились именно к политическим журналистам из поколения «шестидесятников», не запятнавшим — или не слишком запятнавшим — свою репутацию. Наиболее типичная фигура из этой когорты — Егор Яковлев, назначенный главным редактором газеты «Московские новости». Обращение власти к «шестидесятиникам» можно объяснить несколькими — впрочем, не взаимоисключающими — причинами. Во-первых, эти люди принадлежали к тому же поколению, что окружение Горбачева и он сам; в целом (хотя, как мы уже видели, здесь возможны были исключения) они стояли на позициях, близких к горбачевским, иначе говоря, были приверженцами демократического социализма; их было гораздо легче привлечь к активной работе, чем добровольных маргиналов из следующего поколения; с другой стороны, они были гораздо менее запятнаны деятельным служением брежневскому режиму, чем карьеристы из этого же следующего поколения; наконец, они успели сделать себе имя во время оттепели и тем самым приобрели определенную репутацию в интеллектуальной среде, что для представителей следующих поколений было уже невозможно или, по крайней мере, очень сложно. Это следующее поколение, так называемое поколение «семидесятников», тоже неоднородно и делится на несколько течений или социальных позиций. Назовем прежде всего уже упомянутых «истопников», относящихся к власти как таковой с гораздо большим скептицизмом, чем любые «шестидесятники» («истопники» поверили в то, что правители страны в самом деле хотят что-то изменить, лишь очень нескоро и с большим трудом — да и то не все). Некоторые из них в эпоху «застоя» зашли по пути маргинализации так далеко, что даже свободы, открывшиеся во время перестройки, не помогли им «социализироваться», и они остались «потерянным поколением».

<sup>1</sup> Список книг, посвященных шестидесятичеству, слишком велик, чтобы приводить его здесь. См. хотя бы: Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М.: Инфра-М; Прогресс-Традиция, 2003.

<sup>2</sup> См. статью Юрия Левады «Интеллигенция» в кн.: 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева. М.: Ферро, М.: Прогресс, 1989. С. 128–131.

<sup>3</sup> Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М.: РГГУ, 2003. С. 5.

<sup>4</sup> Юрьева Т. Указ. соч. С. 25

<sup>5</sup> О том, какое большое значение, удивительное для западного восприятия, но вполне естественное для восприятия советского, придавали члены Политбюро, высшего органа власти, «творческой интеллигенции», свидетельствуют записи, сделанные во время заседаний А. Черняевым, В. Медведевым и Г. Шахназаровым. См.: В Политбюро КПСС. М., 2006. В Политбюро обсуждали съезд кинематографистов и дела писателей, роман А. Рыбакова « Дети Арбата » и проч.

Несколько иной оказалась судьба тех «семидесятников», которые в брежневскую эпоху были совершенно аполитичны: именно они, внезапно и стремительно политизировавшись, станут участниками клубов, комитетов, групп, которые возникнут на втором этапе перестройки и получат название «неформальных»<sup>1</sup>.

Чтобы убедить эту часть интеллигенции в реальности своих намерений, руководство КПСС подает несколько недвусмысленных сигналов, например, предоставляет съезду кинематографистов 1986 г. право избрать председателем Союза кинематографистов Элема Климова, и, главное, возвращает в декабре 1986 г. в Москву из Горького (ныне Нижний Новгород) Андрея Сахарова. Руководители страны действовали вполне расчетливо (что не отменяет того факта, что подобная политика явно отвечала личным убеждениям таких людей, как М. Горбачев или А. Яковлев<sup>2</sup>), и расчеты их оправдались. Интеллигенция постепенно проникалась верой в реальность перемен и начинала поддерживать власти. Татьяна Юрьева записывает в дневник 9 ноября 1986 г.: «Сейчас им (Горбачевым) увлечена интеллигенция. Только и слышишь от знакомых: Я — ГОРБАЧЕВКА! А некоторые бранятся: У-У, ГОРБАЧЕВКИ!»<sup>3</sup>. А Игорь Дедков заносит в свой дневник еще в мае 1986 г.: «Речь (Горбачева) хороша многими сторонами. Во всяком случае, с времен Хрущева (параллель весьма красноречивая. — А. Б.) с народом, т. е. со всеми нами, так не разговаривали». Впрочем, несколькими строками ниже Дедков отзывается о надеждах своего окружения, на его взгляд, весьма преувеличенных, с явным скептицизмом: «Вот уж поистине в духе наших вечных умильных надежд!»<sup>4</sup>

Таким образом, интеллигенты постоянно переходят от надежды к отчаянию. Они живут надеждой потому, что в этот период от них са-

мих не зависит ровно ничего, а от доброй воли руководства страны — все. Характерна фраза из дневника Дедкова: «Как я устал надеяться». Эти колебания между надеждой и отчаянием описаны Л. Баткиным в статье, вошедшей в сборник «Иного не дано»<sup>5</sup>. Поколению «шестидесятников» эти надежды служили напоминанием о надеждах времен «оттепели». Не случайно принадлежащий к этому поколению Булат Окуджава цитирует в интервью, данном «Московским новостям» в мае 1986 г., строку из своей песни «Я вновь повстречался с надеждой»<sup>6</sup>. Все ясно осознавали параллель 1956/1986, «оттепель»/перестройка, и всеми владела навязчивая идея о том, что ни в коем случае нельзя снова упустить открывшийся шанс.

Свобода слова, обретенная в течение 1987 г., имела двойственные последствия: во-первых, поскольку руководство партии не желало обнародовать свои внутренние разногласия, противоборствующие фракции вели полемику через посредство «своих» органов периодической печати. Для простоты можно, конечно, говорить, что «Московские новости» сражались против «Советской России», но в реальности борьба шла между поддерживавшими эти газеты членами Политбюро. Во-вторых, в 1987—1989 гг. произошло не столько завоевание, сколько постепенное расширение пространства дозволенной свободы: сначала стало возможным критиковать период бржневского застоя, затем — сталинизм, затем — всю советскую систему в целом. Апогеем этого процесса стала публикация в августе—ноябре 1989 г. в журнале «Новый мир» солженицынского «Архипелага ГУЛАГ»<sup>7</sup>. Эта логика, согласно которой следует все время идти дальше и дальше<sup>8</sup>, имела наряду с очевидными положительными менее явные негативные последствия для интеллектуальной

<sup>1</sup> См. об этом замечательную диссертацию Каролы Сигман «Изменения политического пространства в России эпохи перестройки (1986—1991). Лидеры «неформальных» московских политических клубов и их руководители», защищенную в Университете Париж-1 в 2007 г.; см. также статью, содержащую основные положения диссертации: *Sigman C. Les clubs politiques informels, acteurs du basculement de la perestroïka // Revue française de science politique. 2008. № 4. Vol. 58. P. 617–645.*

<sup>2</sup> См., например, отповедь Горбачева Лигачеву и Громыко, осуждавшим идеологические заблуждения писателей, на заседании Политбюро 27 октября 1986 г.: « Нам надо делать так, чтобы большинству вопросов литературного творчества, оценку произведений давали сами художники, их творческие союзы, а не Комитет государственной безопасности или Центральный Комитет». См.: В Политбюро... С. 99.

<sup>3</sup> Юрьева Т. Указ. соч. С. 125

<sup>4</sup> Дедков И. Указ. соч. С. 456

<sup>5</sup> См.: *Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано / Под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.* Этот сборник, куда вошли статьи едва ли не всех интеллигентов, которые тем или иным образом проявили себя с начала перестройки, стал важным шагом в борьбе за расширение возможностей подцензурной литературы и вообще в интеллектуальном развитии страны. Он, можно сказать, подвел итог двух лет гласности.

<sup>6</sup> *Окуджава Б. Я вновь повстречался с надеждой / Московские новости. 1987. 31 мая.*

<sup>7</sup> Об этой стороне перестройки 1986–1988 гг. см., например: *Berelowitch A. La perestroïka culturelle: une parole libérée // L'URSS et l'Europe de l'Est 1988: Annuaire. P.: La Documentation française. 1988. P. 11–37.*

<sup>8</sup> «Дальше, дальше, дальше» — так называлась написанная в те годы пьеса М. Шатрова. Правда, сам автор, надо признать, заходил не слишком далеко и останавливался на расхожем противопоставлении плохого Сталина и хорошего Ленина.

(а равно и политической) жизни страны: критики советского режима стремились быть все более и более радикальными, и потому наполняли свои описания прошлого все более устрашающими деталями, причем чем страшнее были рассказы, тем больше веры они внушали. С другой стороны, те, кто описывали русское дореволюционное прошлое или (в другом варианте) прелести жизни на Западе, стремились сделать свои рассказы как можно более идеальными; ведь чем более безоблачными были эти описания, тем сильнее они расходились с советскими догмами, а именно это и в критике советского и в восхвалении дореволюционного мира стало главным, если не единственным, критерием достоверности. В это соревнование всякий день включались новые участники, и одной статьи было достаточно для того, чтобы автор «проснулся знаменитым». Интеллигенция заявляла о себе не в научных публикациях, а в публицистике — именно благодаря ей авторы обретали мгновенную славу. А. Ципко, А. Мигранян, И. Клямкин, Л. Баткин, Ю. Карякин, Ю. Буртин, А. Нуйкин и многие другие стремительно прославились именно таким образом, нередко благодаря одной-единственной нашумевшей статье. Слава некоторых из них оказалась недолговечной, другие до сих пор остаются известными политическими комментаторами или консультантами. Порой авторы выступали со статьями по своей специальности, экономике или социологии<sup>1</sup>, но чаще всего они писали о том, что к их научной специализации отношения не имело. Таким образом, наблюдалось то, что можно назвать массовой депрофессионализацией или, если угодно, всеобщей перекавалификацией.

Итак, на этом первом этапе интеллигенция, согласно пожеланиям власти откликнулась на ее призыв к сотрудничеству. Затем наступил второй этап; в этот момент раздался голоса людей того же поколения, но более скептических и имевших в прошлом опыт диссидентства. В марте 1988 г. группа диссидентов-эмигрантов опубликовала в еженедельнике «Русская мысль» открытое письмо, в котором подвергла сомнению реальность политики гласности и искренность советских руководителей; авторы письма призывали Горбачева предоставить доказательства своей воли к переменам. Егор Яковлев опубликовал в «Московских новостях» письмо эмигрантов и свой ответ им, в котором

<sup>1</sup> Назову, например, статьи Т. Заславской или Ю. Левады на социологические темы или В. Селюнина, Л. Пияшевой и Н. Шмелева на темы экономики.

высмеял требования авторов, а их самих упрекнул в отрыве от реальности<sup>2</sup>. Интеллигенты, до этого сторонившиеся политики, начали действовать — причем гораздо более активно, чем публицисты предшествующего периода, — в 1988 г. Они сыграли очень важную, если не решающую, роль во время выборов делегатов на Съезд народных депутатов в марте 1989 г.<sup>3</sup> Разница между «статусными интеллигентами» и интеллигентами следующей волны становится ясна при сравнении «неформальных» групп, во главе которых стояли эти последние, с деятельностью созданной в сентябре 1988 г. «Московской трибуны», куда входили в основном первые. Деятельность «Московской трибуны» проходила в полном соответствии с описанной выше схемой «треугольника»: «статусные» интеллигенты благодаря своим познаниям и социальной роли дают рекомендации власти (играют роль советника при государе) и указывают правильный путь населению, или «народу» (играют роль просветителей)<sup>4</sup>.

Однако интеллигенты не были готовы к той роли, которую желали играть и которую от них ждало общество (и власть<sup>5</sup>), и потому затруднялись не только с практическими рекомендациями, но даже с постановкой общих вопросов для обсуждения. Споры, дискуссии шли в основном об истории, об оценке прошлого. На то, разумеется, имелись весомые причины: разговор о сталинизме, который, едва начавшись

<sup>2</sup> См.: Яковлев Е. Пусть Горбачев предоставит нам доказательства // Московские новости. 1988. 29 марта.

<sup>3</sup> Я вернусь к проблеме выборов в конце статьи.

<sup>4</sup> «Непосредственная цель таких обсуждений (...) в выработке общих оценок, прогнозов и особенно положительных экономических, политических, культурных рекомендаций». Пункт 3 «О создании политико-культурного общественного клуба «Московская трибуна» и далее (пункт 5) «Понимая наш клуб в качестве своеобразного общественного научно-консультативного совещания...» (архив автора). Более емкий и глубокий анализ этого «треугольника» сделан, как я уже указывал, Юрием Левадой в статье «Интеллигенция». См.: Левада Ю. Указ. соч.

<sup>5</sup> На заседании Политбюро 24 июля 1986 г. Михаил Горбачев жаловался: «И мы говорим: ученые, дайте ваши предложения! А они не могут нам дать своих разработок» (См.: В Политбюро... С. 73). Разумеется, я не собираюсь упрекать интеллигентов в неподготовленности к новой деятельности. Это, что называется, не их вина, а их беда! Интеллектуальная жизнь в советскую эпоху с ее описанными выше чертами (отсутствие публичных дебатов, наличие запретных тем и проч.) не давала возможности для выработки сколько-нибудь связанных коллективных сценариев выхода из коммунизма. Другое дело, что эта реальная пустота противоречила популярному в интеллигентской среде 1970-х гг. мифу, согласно которому в письменных столах полно текстов и программ такого рода, и стоит убрать цензурные препоны, как все это явится на свет. Подобное отсутствие программ и планов представляет собой первостепенно важное отличие Советского Союза от «стран народной демократии», прежде всего от Польши и Венгрии.

во время «оттепели», был тут же прерван, было необходимо продолжать<sup>1</sup>. Создание в январе 1989 г. общества «Мемориал» стало самым явным и самым мощным выражением этой воли к откровенному разговору о прошлом. Тем не менее эта ориентация на прошлое также имела не только политические предпосылки, но и серьезные политические последствия. В среде либеральной интеллигенции господствовало убеждение, что советская система — нечто вроде чудовищного нароста, и достаточно от него избавиться, чтобы вернуться на столбовую дорожку человеческой (на самом деле западной) истории и вновь стать «нормальной» страной<sup>2</sup>. Из этого делались два вывода. Первый: незачем в деталях продумывать дальнейшие действия, потому что, стоит покончить с «коммунизмом», как все устроится самой собой. Чтобы понять, почему эта концепция была так влиятельна, следует помнить, что конец 1980-х гг. — это эпоха господства ультралиберализма в духе Маргарет Тэтчер, которая вышла на первое место при опросе общественного мнения о женщине года проведенного ВЦИОМом в 1989 г. (за нее подали голос 26.3%, а занявшая следующее место Алла Пугачева набрала всего 5.3%<sup>3</sup>) и Рональда Рейгана, эпоха веры в «невидимую руку рынка», минимальное присутствие государства и проч. Второй вывод: главная или даже единственная цель — свержение существующего строя. Эта цель была общей для самых разных течений и групп: сторонников демократического социализма, поклонников социал-демократии «шведского образца», приверженцев либерализма и даже немногочисленных монархистов. Все они ощущали необходимость радикализировать борьбу со старым строем и отстранить от власти Михаила Горбачева с его установкой на компромиссы.

Самым же серьезным последствием описанного выше образа мыслей стала поддержка популиста Бориса Ельцина, в котором интеллигенция видела таран для свержения ненавистного строя. Пренебрегая всеми чертами личности Бориса Ельцина, которые в случае его прихода к власти не могли не оказаться губительными (от отсутствия политической культуры до авторитарных замашек), интеллигенты сделали из него своего демократического героя

<sup>1</sup> Подробнее о типах отношениях к прошлому в ходе перестройки см.: *M. Ferretti. La Memoria mutilata, Milano: Corbaccio, 1993.*

<sup>2</sup> Об употреблении слова «нормальный» в эпоху перестройки см.: *Berelowitch A. L'Occidente o l'utopia di un mondo normale // Europe. Fondation Gramsci, Rome, 1993. P. 31–43.*

<sup>3</sup> См.: *Есть мнение! / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Прогресс, 1990. С. 286.*

и совершенно отвернулись от Горбачева<sup>4</sup>. В соответствии с вышеописанной схемой (треугольник «власть/народ /интеллигенция») интеллигенты видели в Ельцине (власть) «обучаемого», поскольку он выслушивает рекомендации советников (интеллигенция) и сможет принудить к необходимым реформам общество (народ). Дальнейшие события показали, как Борис Ельцин прислушивается к мнениям членов Президентского совета<sup>5</sup>, который он сам же создал и членами которого сделал видных представителей интеллигенции. Совет этот играл сугубо декоративную роль и имел целью поддержание в глазах международной общественности необходимого демократического «имиджа». Как и следовало ожидать, не интеллигенция «обучила» Бориса Ельцина, а он использовал ее в своих целях, притом очень искусно.

Разумеется, поддержка интеллигенции и в первую очередь членов так называемой Межрегиональной группы депутатов была не единственной причиной победы и популярности Ельцина. Тем не менее поддержка эта дала Ельцину еще до того, как он был избран на свой пост всенародным голосованием, демократическую легитимность и создала ложное представление о нем и в России, и на Западе; именно благодаря этой поддержке и под прикрытием вечной ссылки на «трудности переходного периода» в России без малейшего сопротивления установилась авторитарная система власти, слабая — при Ельцине, — а потом уже более энергичная. Не следует забывать, что конституция, которая позволила совершенно законно — что всячески и неоднократно подчеркивалось — установить авторитарную власть, была принята в 1993 г. при полной поддержке либеральной интеллигенции, которая хотела видеть в этой конституции только одно — действенное оружие против коммунистов.

Интеллигенция — в частности своей поддержкой Ельцина — сыграла большую роль в ходе первых полусвободных выборов в марте 1989 г. Во-первых, именно представители интеллигенции нередко предлагали себя в качестве альтернативных кандидатов и сопернича-

<sup>4</sup> В самом конце перестройки, в январе 1991 г., Т. Юрьева записывает: «История его (Горбачева) сметет с дороги. Свою миссию — не мешать происходящим событиям — он уже выполнил.» А несколько дней спустя, после событий в Литве и Латвии: «Надежда только на Россию, на ее демократические силы, на Ельцина». См.: *Юрьева Т. Указ. соч. С. 207, 209.*

<sup>5</sup> Президентский консультативный совет (1992–1993, распоряжение 157-рп) и Президентский совет (1993–2001, указ 273). Там же см. список членов совета.

ли с кандидатами официальными; во-вторых, интеллигенты активнейшим образом участвовали в дебатах на самом Съезде народных депутатов. Впрочем, об этом много написано, и я не буду специально останавливаться на этом вопросе. Мне важно подчеркнуть одну особенность этих выборов. Между интеллигенцией и остальным населением пролегла линия разлома; интеллигенты испытывали глубокое недоверие к остальным слоям общества. Многие представители интеллигенции были уверены, что находятся в меньшинстве и были абсолютно уверены, что демократические кандидаты потерпят поражение. На деле же в больших городах, прежде всего в Ленинграде и Москве, избиратели отвергли номенклатурных кандидатов в пользу альтернативных кандидатов. В этом отношении Советская Россия также коренным образом отличалась от стран европейского «социалистического лагеря». Ни на этих выборах, ни до, ни после них не наблюдалось ничего, хоть сколько-нибудь напоминавшего тот союз интеллигентов и рабочих, который сложился, например, в Польше. На этих выборах (как и, в еще более карикатурной форме, на выборах 1996 г.) Ельцин с большой умением и выгодой для себя использовал распространяемое интеллигенцией представление, согласно которому у избирателей был один основной выбор: между коммунистическим режимом и оппозицией (демократической, но не только), и этот выбор был несравненно важнее другого — выбора между демократическим путем и путем авторитарным<sup>1</sup>.

Не желая серьезно рассматривать возможное развитие событий в будущем, продолжая в течение всех 1990-х гг. считать главной опасностью возвращение коммунистов и коммунистическую угрозу, а значит, уделяя все внимания противопоставлению между прошлым и будущим, интеллигенты в большинстве своем проглядели реальную развилку, существенную и для настоящего, и для будущего, — между путем демократическим и авторитарным<sup>2</sup>. Именно по этой причине интеллигенция поддержала государственный переворот, совершенный Борисом Ельциным в октябре 1993 г., и, несмотря на раз-

вязанную в декабре 1994 г. войну в Чечне, продолжала поддерживать его и на президентских выборах 1996 года, исходя из совершенно неправдоподобного тезиса о том, что Борис Ельцин является единственной преградой на пути к власти коммунистов, а значит (!), и советской власти<sup>3</sup>.

В течение короткого периода, между 1987 и 1989 гг., интеллигенты были убеждены, что наконец они получили должное признание своей роли в обществе. Руководство страны в полном соответствии с желаниями интеллигентов прислушивалось к их советам: их высказывания (в газетах и журналах, на радио и телевидении) имели огромный вес в обществе. Но то, что интеллигенция полагала триумфом, оказалось в реальности лебединой песней. Неспособные дать обществу то, чего оно от них ожидало, одни интеллигенты, отчасти по доброй воле, отчасти против воли, превратились в опору власти, решили вернуться в частную жизнь и по-прежнему «возделывать свой огород».

Интеллигенты вперемешку с политиками-демагогами уверяли, что, как только будет покончено с социалистическим режимом, в стране наступит процветание и уровень жизни станет сравним с западным; поскольку этого не произошло, население начало разочаровываться в либеральных тезисах еще в 1989 г., а в 1992 г., после «шоковой терапии», разочарование это, разумеется, сделалось еще более сильным<sup>4</sup>. Со своей стороны интеллигенты, в особенности те из них, которые вошли во властные структуры, склонны были объяснять неуспех либерализации неподготовленностью народа к демократическому режиму<sup>5</sup>. В результате взяла верх теория перехода к демократии через авторитаризм. Когда в 1989 г. А. Мигранян в диалоге

<sup>3</sup> Между тем еще в 1991 г., после позорной сцены, когда Борис Ельцин в прямом эфире унизил Михаила Горбачева, вернувшегося из Фороса, Дмитрий Фурман предсказал России авторитарное будущее, за что журнал А. Синявского и М. Розановой «Синтаксис» присудил ему премию Кассандры. А Михаил Гейфтер вышел из состава Президентского совета после переворота 1993 г.

<sup>4</sup> В связи с этим отношение «народа» к интеллигенции быстро меняется. Если в первые годы перестройки ее «прорабы» стали властителями дум, то очень быстро, по мере того как население перед лицом экономического кризиса разочаровывается и перестает верить в обещанное быстрое улучшение жизни — а потом переживает его небывалое ухудшение — оно радикально меняет свое отношение к интеллигенции, предлагающей ему «демократию и рынок». Начинается их дискредитация, слово демократ пишется в кавычках, если вообще не превращается в «дермократа». Отчуждение и подозрительность становятся взаимными.

<sup>5</sup> См., например, — как ни грустно — статью Ф. Искандера, где он объясняет, что такому народу пока не нужны выборы и парламент (Столица. 1994. № 5).

<sup>1</sup> То же самое имело место, как мы только что видели, при принятии конституции.

<sup>2</sup> Это обстоятельство было главным предметом дискуссий между французскими социологами и их русскими коллегами в ходе встреч с членами «Демократической России» и совместного анализа появления новых социальных акторов в России (1992–1993). Об этом см. первую главу кн.: *Berelowitch A., Wiewiorka M. Les Russes d'en bas*. P.: Seuil, 1996. P. 58–96 («Основы политической деятельности»).

с И. Клямкиным заговорил о том, что России необходима «сильная рука»<sup>1</sup>, это многих шокировало, но довольно скоро эта мысль сделалась расхожей и привычной. Из реального проекта демократия превратилась в далекую мечту. Пара демократия-рынок, или, если угодно, демократия-модернизация, распадается, и на повестке дня остается одна модернизация через сильную руку. Возникают один за другим новые образцы для подражания: Столыпин, Чили Пиночета, Япония периода Мейдзи, Китай Дэн Сяопина. Поддержку же, которую население оказывает коммунистам, — весьма слабую, если учесть, насколько сильна была «шоковая терапия», — стали объяснять советской ментальностью. В этом случае речь идет уже не о «народе», а о «быдле», — этой аттестации народ удостоивается в тех случаях, когда не желает следовать по пути, предначертанному ему интеллигенцией. Вполне законное желание получать регулярно зарплату, пользоваться бесплатной медициной, т. е. желание сохранить хотя бы жалкие преимущества советской системы (к слову, не идущие ни в какое сравнение с теми, которые предоставляют своему населению государства западной Европы) трактуются как признаки «совковости» со стороны «люмпенов». Треугольник «власть/народ/интеллигенция» претерпевает перемены. Интеллигенция больше не может играть роль посредника, информирующего

власти о чаяниях народа или защищающего народ от власти (роль, которую она и в прошлом играла не столько на деле, сколько на словах); теперь она внутри треугольника переходит полностью на сторону власти, разрушая таким образом треугольник. Народ снова воспринимается опасная стихия, которую может сдерживать только сильная власть. Мобилизуется Пушкин, с набившей оскомину фразой из «Капитанской дочки» о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»<sup>2</sup> и конечно о правительстве как «единственном европейце». По-этому не удивительно, что часть интеллигенции приветствует жесткое подавление коммунистической демонстрации 1 мая 1992 г., призывает к насилию и видит в расстреле Белого дома начало демократической России<sup>3</sup>.

Это глубочайшее презрение к «совку» (еще одно название, каким интеллигенты награждают население в тех случаях, когда оно не желает занимать то место и играть ту роль, какие они ему отводят), выразилось самым ярким образом в знаменитой фразе, брошенной Юрием Карякиным в прямом телевизионном эфире после декабрьских выборов 1993 г., на которых победила партия Жириновского (классический случай протестного голосования), а коммунисты заняли третье место (другая форма протеста против «шоковой терапии»): «Россия, ты одурела!»

*Перевод В. Мильчиной*

<sup>1</sup> Мигранян А., Клямкин И. Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа.

<sup>2</sup> Западных наблюдателей как раз наоборот удивляла пассивность (или терпеливость) российского населения. Вспомним, что с начала реформ единственным массовым протестом было выступление пенсионеров против монетизации льгот.

<sup>3</sup> «Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. <...> Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму? <...> Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь убедились, достаточно окрепшей демократии?» — Писатели требуют от правительства решительных действий // Известия. 1994. 5 окт.